

НА СОИСКАНИЕ ЛЕНИНСКОЙ ПРЕМИИ

ВЛАСТЬ ТЕАТРА

ЭТОТ человек чем-то неуловимо напоминает Шалапина, каким запечатлен великий артист на последних фотографиях. То же открытое волевое лицо с ясными, глядящими прямо в душу глазами, почти та же прическа: седые непокорные волосы, обрамляющие высокий лоб. Широкая улыбка — одновременно и озорная, и стеснительная. У него мягкий, певучий голос. Он говорит негромко и не спеша.

Две самые большие его комнаты превращены в мастерскую... художника! Все свободное время он посвящает живописи.

Увидев, что я восхищенно разглядываю множество картин, развешанных по стенам, Николай Константинович махнул рукой.

— Пустяки, — сказал он. — Художника из меня не вышло. Случилось так, что театр вытеснил из моей жизни все иные увлечения. Власть театра... — задумался Симонов. — Сильна она.

...За исполнение ролей Маттиаса Клаузена в драме Гауптмана «Перед заходом солнца» и Сальери в маленькой трагедии А. Пушкина «Моцарт и Сальери» выдающийся советский актер Николай Константинович Симонов выдвинут на соискание Ленинской премии.

Эти две большие удачи являются как бы итогом многолетнего творческого пути крупного, самобытного мастера, обладающего неповторимым дарованием трагедийного актера.

Семнадцатилетним юношей приехав в Ленинград, Николай Симонов стал учиться в Академии художеств на факультете живописи. Но стоило ему посетить знаменитую Александрино, увидеть на сцене прославленных артистов, как его охватило неудержимое желание посвятить себя театру. Оставив Академию художеств, он поступил в Институт сценических искусств. А уже спустя два года параллельно с учебой Симонов стал выступать на сцене Александринского театра, ныне театра имени А. С. Пушкина, и сниматься в кино.

ЗНАЧИТЕЛЬНЫМ событием в жизни Н. Симонова была роль Бориса Годунова в одноименной трагедии А. С. Пушкина. После нее ни у кого не осталось сомнений в том, что артист созрел для решения и такой сложной актерской задачи, как создание образа Петра Великого.

Вскоре Н. Симонов был приглашен на роль Петра Первого в одноименном фильме. И вот здесь с

пределной полнотой раскрылись все те огромные творческие силы, что подспудно таились в этом артисте.

Симоновский Петр входит в фильм большим, умным, с неистребимой верой в победу русского оружия и русского народа. Неутомимый реформатор, «в Европу прорубивший окно», царь-труженик, неугомонный в своих многочисленных хлопотах, человек огромной воли, страсти и темперамента — таков Петр в исполнении Н. Симонова...

Следует отметить, что Н. Симонов за последние годы непросто мало занят в пьесах, посвященных современной теме. А стоит вспомнить такие его вдохновенные создания, как Берест в «Платоне Кречете», Хлебников в «Персональном деле» и Суходолов в «Сонете Петрарки», чтобы представить себе, как не по-хозяйски использует театр самобытное, могучее дарование артиста.

«Мастером жизни» называют председателя исполкома Павла Семеновича Береста. Симонов создал какой-то удивительно светлый, чистый, солнечный образ, вместивший в себя наиболее характерные черты, присущие настоящим людям ленинского воспитания.

Артист большого трагедийного дарования, Симонов умеет сдерживать свой бьющий через край темперамент, переводя его в глубокий подтекст, в напряженное, полное мысли, ума и глубокой сосредоточенности молчание, когда воплощает характеры, подобные Хлебникову и Суходолову.

Он был словно рожден для роли матроса Братишки в пьесе «Шторм» В. Билль-Белоцерковского, или шахтера Казанка в «Шахтерах» того же автора, или военкома Мехоношева в пьесе Б. Ромашова «Конец Криворыльска», Павла из «Виринеи» Л. Сейфуллиной, Вершинина в «Бронепоезде № 14-69» Вс. Иванова. Всех этих героев объединяла пламенная революционная страстность, романтическая открытость.

Что же касается классического репертуара Симонова, то в нем есть четыре образа, созданные в разное время, которые с полным правом можно поставить в ряд с самыми крупными творческими достижениями сильнейших актеров современности. Речь идет о Феде Протасове в «Живом труппе» Л. Толстого, Сатине в «На дне» М. Горького и о уже названных Маттиасе Клаузене и Сальери.

...Вспомните глаза симоновского Протасова. Они говорят нам больше любых слов. В них — чистота, искренность, какая-то непосредственная детскость. Страшный мир бездушия и подлости убивает светлого, одухотворенного человека, полного горячих чувств, мыслей, и это очень впечатляюще передает артист.

Не менее сильный, но в ином плане создает артист образ в пьесе «На дне». На редкость цельная, даровитая, щедрая натура — Сатин Симонова! Какой это гордый, могучий человекечище, живописный, красивый, несмотря на свои лохмотья! Он загнан на самое дно жизни, но не потерял своего достоинства, величия, своей мечты...

ГОЛОС Симонова... Мелодичный, страстный, порой звучащий, как грозовой набат, порой переходящий на тончайшее пианиссимо... Глядя на Симонова, слушая его в ролях Клаузена и Сальери, мы с особой силой ощутили трагедию двух диаметрально противоположных характеров, обуреваемых мощными страстями. Последние работы замечательного актера, за которые он выдвинут на соискание Ленинской премии, — новый творческий взлет прославленного мастера, новое и огромное свидетельство его неоскудевающего, глубокого и могучего таланта.

...Беседа с Н. К. Симоновым близится к концу. Николай Константинович делится со мной своей затаенной, давней мечтой: он страстно хочет сыграть в театре или в кино Бетховена!

И вдруг хитро улыбнулся: — Еще хочу сыграть яркую комедийную роль в современной пьесе. Именно комедийную, понимаете?! А то так и не довелось за всю творческую жизнь попробовать себя в этом жанре.

И человек, похожий на Шалапина, вдруг рассмеялся — весело, непринужденно, озорно...

Яков СМОЛЯК.

□

На снимке: Н. Симонов в роли Сальери.

Фото И. Ефимова.